

АКТРИСА

СРЕДИ беспредельного многообразия людских профессий есть одна, возможно, труднейшая и прекраснейшая в духовной сфере человека, — это профессия актера. Потому что присущие ей нечто такое, чего нет ни в какой иной области человеческой деятельности, — перевоплощение.

Тысячи раз за свою сценическую жизнь — а бывает она долгой и трудной, как таежная тропа, — должен актер перевоплощаться в образы других людей, жить их чувствами, мыслить их разумом, переживать их радости и беды, умирать их нелегкой смертью. И во все это он должен вложить такую меру достоверности, такую подлинную правду жизни, чтобы самые разные люди, сидящие в зрительном зале, поверили ему и вместе с ним переживали бы сценическое действие. Не всякому это дано, но тем значительнее и интереснее пристально взглянуть в духовный мир такого человека.

...На сцене Калининского драматического театра идет возобновленное представление «Дома Бернарды Альбы» по пьесе Гарсиа Лорки. Спектакль мне хорошо знаком по прежним постановкам. Я пришел в театр не только для того, чтобы еще раз насладиться глубоким и волнующим произведением замечательного испанского драматурга, но и из интереса к его новой интерпретации. Я ожидал увидеть другое режиссерское прочтение пьесы, не более. Однако с выходом на сцену заслуженной артистки РСФСР Антонины Михайловны Вольской в роли Бернарды Альбы началось неожиданное. От эпизода к эпизоду утрачивалось ощущение давнего знакомства с суровым и трагическим образом старой испанки. Здесь было иное.

Уже десять лет появляется этот образ на сценах различных театров нашей страны, и основные черты его давно определились. Непреклонная хранительница старинных обычаев и нравов своего класса, Бернарда каменной глыбой давит всех, на кого распространяется ее безраздельная власть хозяйки богатого дома. Преждевременно сведены ею в могилу два мужа, обречены на бесплодную, оскотленную жизнь дочери, третируются слуги и односельчане. Мрачная и злобная ханжа, которой органически чуждо любое проявление нормальных человеческих чувств, — такой было проще всего представить себе Бернарду Альбу и такой воплотить ее в сценическом образе. Это был простейший, вполне узаконенный, но, как оказалось, далеко не единственный путь. В искусстве облик живого человека нельзя рисовать одной краской, белой или черной. Ибо и в жизни таких людей почти не бывает. Потому-то Вольская и не сообразилась легкостью лежачего на поверхности роли тривиального решения. Вдумчивая и профессионально эрудированная актриса, она разглядела в сложном, многоплановом образе Бернарды то, чего не смогли или не захотели увидеть другие исполнители этой роли.

Не искажая и не подменяя авторского замысла идеи пьесы и не нарушая самой драматургической ткани ее, она сумела показать нам совсем иную Бернарду Альбу. Всей силой своего таланта она доказала художественное право на ее существование. Бернарда Вольской — отнюдь не каменная глыба, но прежде всего человек. Да, Бернарда непреклонна во всем, что касается чести ее дома, как она эту честь понимает. Да, ради этого она губит жизнь своих дочерей, а одну из них толкает в петлю. Да, она неча-

видит и презирает односельчан, но дамокловым мечом висит над ее головой страх перед общественным мнением. И так всю свою жизнь, тоже принесенную в жертву ложно понятой фамильной чести. Но все тираническое и страшное, что творит над окружающими (и над собой) Бернарда — Вольская, — все это не по злой воле, не от человеческого ненавистничества, а от непоколебимого сознания своей абсолютной правоты, от горячего желания добра своим детям, своему дому.

Все, решительно все в игре Вольской подчинено принятой ею трактовке образа. Вот она бьет по лицу старшую дочь Ангустина. Бьет без озлобления, без нарочитой жестокости. Бьет в назидание стоящим здесь остальным дочерям. Чуть позже эта же рука нежно и ласково гладит перед сном их склоненные головы. И даже в тот страшный час, когда односельчане тащат на расправу преступившую закон чью-то девушку и Бернарда истуканно кричит «Убейте ее!», — даже в эту минуту крайнего ожесточения она требует самосуда совсем не потому, что жаждет крови. С патологическим эгоизмом матери она пытается кровью чужой жертвы защитить от подобного проступка своих детей. В этом плане логически оправдан и финал спектакля, которого нет у автора. Вдруг осознавшая свою прямую вину в самоубийстве дочери, потрясенная провалом своей жизненной концепции, Бернарда сходит с ума.

Глядя на Бернарду — Вольскую, перечитывая потом текст пьесы, легко представить себе, что, быть может, именно такой задумал Бернарду Гарсиа Лорка. Во всяком случае такое решение образа вполне созвучно с общей гуманистической направленностью произведений прогрессивного поэта-драматурга.

В создании сценического образа Бернарды Альбы отчетливо просматриваются все творческие кредо, весь художнический мир актрисы. Она никогда не позволяет себе скользнуть по видимому, верхнему срезу роли. Она непременно должна до конца понять душу образа, высветить его внутреннюю сущность.

Я вспоминаю, как мучительно, как напряженно искала Антонина Михайловна правильную интонацию в работе над эпизодической ролью Брешко-Брешковской в товстеновском спектакле «Правду! Ни чего, кроме правды». Мы сидим в мягком полумраке зрительного зала с непривычно зачехленными рядами кресел. Идет репетиция, и проводит ее народный артист СССР Георгий Александрович Товстоногов. Заканчивается эпизод со «свидетельским» показанием «бабушки русской революции» Брешко-Брешковской. К взволнованной актрисе подходит Товстоногов, дружески обнимает ее, успокаивает:

— Все хорошо, милочка, не надо волноваться. Все правильно.

Антонина Михайловна устало опускается в соседнее кресло, несколько минут подавленно молчит, потом вдруг с горестным недоумением шепчет:

— Не понимаю я эту Брешко-Брешковскую... Кто она? Выжившая из ума старуха или сознательный враг пролетарской революции? Георгий Александрович говорит: «Все правильно», а я не пойму, что же побудило эту бывшую революционерку выступить с позорной клеветой на Советскую Россию, да еще перед американским судилищем? И ведь до обидного мало о ней достоверного материала... И все-таки это враг!

Кто видел этот спектакль, тот знает и помнит, как сценически тонко и политически верно разрешила актриса мучивший ее вопрос.

В работе над ролью Брешко-Брешковской, как и в десятках других ролей, сыгранных Вольской, проявилась еще одна важная и примечательнейшая грань ее творчества. Для актрисы недостаточно всестороннего понимания роли и полного вхождения в образ. Она обязательно должна внести в него свою актерскую индивидуальность, четко и ясно проявить свое отношение к создаваемому образу и сценическим обстоятельствам спектакля в целом. И это отношение в конечном счете становится главным содержанием роли. При этом актриса руководствуется известным замечанием Энгельса, что личность характеризуется не только тем, что она делает, но и тем, как она это делает.

Каждого актера отличает свой, присущий именно ему способ существования на сцене, определяющий соотношение игры актера с задачей раскрытия образа. Для Вольской характерны умная простота исполнения, большая сценическая свобода, какая-то внутренняя раскрепощенность. А отсюда и достоверность всего того, что создается ею в спектаклях. В каждую, даже самую маленькую роль (например, няню в «Последних» Горького) она вносит горячий темперамент, эмоциональную насыщенность и неподдельную взволнованность при максимальной скупости средств воплощения. Актриса понимает, что без глубокой личной заинтересованности судьбой своей героини и самой идеей спектакля драматического искусства не существует, что внутреннее равнодушный актер творческой позиции не имеет. Он бесплоден, и потому ничего зрителю дать не может.

При всем многообразии средств, с помощью которых актер создает сценический образ, решающим остается, конечно, живое слово. Вольская обладает тончайшим слухом, умением не только понимать, но и чувствовать каждое слово роли. Поэтому она безошибочно находит те единственно точные оттенки его звучания, которые способны донести это слово до сознания и сердца зрителя; она улавливает музыку слова и хорошо знает, что есть слова холодные, как льдинки, и есть слова теплые, как рука друга. Безотносительно к контексту, в котором они встречаются. Просто слова, как таковые. Но в них надо вложить именно тот смысл, который подсказан сутью данной фразы и ролью в целом.

Актриса необычайно требовательна — и к себе, и к товарищам по сцене — во всем, что касается театра. У нее нелегкий характер, и кое-кто не раз больно ушибался его бескомпромиссностью.

Среди многих сыгранных ею ролей были любимые и близкие, такие, как Девушка в «Старике» Горького или Кручинина в «Без вины виноватых» Островского. Были роли высокой общественной значимости, такие, как Мария Александровна Ульянова в «Семье» Попова, Надежда Константиновна Крупская во «Вьюге» Раздольского. При создании этих ролей основным творческим материалом для актрисы являлась ее личность, ее человеческая и актерская индивидуальность.

Встречались и иные роли, как говорится, не по сердцу, но и от их исполнения уклоняться она не считала для себя возможным. Широкий диапазон ее сценического дарования позволил Вольской создавать самые различные образы, от острокомедийных (Лушителя в «Цыгане», Нина Леопольдовна в «Деле, которому ты служишь») до глубокодраматических и даже трагедийных (Кручинина, Бернарда Альба). Но каждая роль исполнялась с полной эмоциональной отдачей, присущей всем взыскательным художникам. Она отлично понимает, что для подавляющего большинства зрителей каждый спектакль — премьера и актер просто не имеет права на холодную поволоку роли. В противном случае именно на этом спектакле театр теряет зрителя. Потому-то, где бы ни играла артистка Вольская, будь то в Луганске или Уфе, Калуге или Симферополе, Туле или Калинин, она в каждый спектакль вкладывает всю силу своей богатой натуры.

Более сорока лет на сцене... Из них около двадцати в Калинин. Но Антонина Михайловна не стрижет купоны со старых заслуг. Ее творческая жизнь, полнокровная и шедрая, продолжается. Все новые и новые образы, нетусклые и неповторяющиеся (потому что она никогда не играет самое себя), создает талантливая актриса.

Но не только сценой заполнена многогранная, кипучая жизнь этого человека. Как секретарь партийной организации театра, член обкома КПСС и депутат горсовета, она ведет большую партийную и общественно-государственную работу. И эта сторона деятельности актрисы — отнюдь не параллельная дорога; она неразрывно, органически связана с основным делом ее жизни — театром.

Антонина Михайловна Вольская формально не имеет звания народной артистки. Но талантливое, удивительно человеческое и правдивое искусство ее, нелегкая жизнь актрисы, без остатка отданная народу, ее верное служение ему и на сцене, и за стенами театра, — все это делает творчество замечательной актрисы-коммунистки подлинно народным.

Я. ЗВЯГИН.

НА СНИМКЕ: А. М. Вольская.

Фото В. Синицкого.